Священникъ Константинъ Аггеевъ.

ПО ПОВОДУ

ТОЛКОВЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБРАЗОВАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ,

ВОЗБУЖДЕННЫХЪ ПОСЛАНІЕМЪ СВ. СИНОДА

О ГРАФѢ Л. ТОЛСТОМЪ.

(Съ приложеніемъ письма графини С. А. Толстой къ митрополиту Антонію и его отвѣта).

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

КІЕВЪ.
Изданіе А. К. Т.
1901.

Отъ Кіевскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Кіевъ, 3 Мая 1901 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи,
прот. *І. Корольковъ.*

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.

1901.

24-го февраля текущаго года опубликованъ Св. Синодомъ актъ высокой важности слѣдующаго содержанія.

Святѣйшій Синодъ въ своемъ попеченіи о чадахъ Православной Церкви, объ охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и о спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противоцерковномъ лжеученіи, призналъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать нижеслѣдующее посланіе:

„Божіею милостію Святѣйшій Всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ православныя каѳолическія греко-россійскія Церкви о Господѣ радоватися. Молимъ вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ

(Римл. 16, 17). Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога Живаго; но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви Святой, которая пребудетъ неодолѣнною во вѣки. И въ наши дни, Божіимъ попущеніемъ, явился новый лжеучитель графъ Левъ Толстой. Извѣстный міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его Матери-Церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей

вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки, и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣеваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живого Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной; отрицаетъ Господа Іисуса Христа-Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ, отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи; не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія; отвергаетъ всѣ таинства Церкви и благодатное въ

нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, Святую Евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію православною; бывшія же къ его вразумлѣнію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковію, къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ на концѣ дней своихъ остается безъ

вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословеній и молитвъ Церкви и отъ всякаго общенія съ нею. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. 2, 25). Молимтися, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко Святой Твоей Церкви. Аминь."

За рѣдкими исключеніями, лица, входящія въ составъ т. н. свѣтскаго интеллигентнаго общества, отнеслись къ посланію Св. Синода съ нескрываемымъ недовольствомъ, пользуясь имъ для болѣе рельефнаго выраженія своихъ симпатій къ „великому писателю земли русской" *). На ряду съ заявленіями, которыя въ силу своего характера должны быть оставляемы безъ отвѣта, слышали

---

*) Такой смыслъ—понятно всякому—имѣетъ и телеграмма Союза русскихъ писателей, посланная графу 28-го февраля.

мы немало сѣтованій по поводу происшедшаго отъ серьезныхъ лицъ самыхъ разнообразныхъ направленій и даже отъ вѣрныхъ, по ихъ словамъ, сыновъ православной Церкви.

Вполнѣ понимаемъ психологическую основу этого явленія. Номеръ газеты, принесшій извѣстіе о состоявшемся актѣ Святѣйшаго Синода, больно кольнулъ и наше сердце. И намъ близокъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, авторъ „Дѣтства и Отрочества“, „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Смерти Ивана Ильича“ и др. высоко-художественныхъ произведеній. Развѣ мы забыли о минутахъ рѣдкаго наслажденія, испытанныхъ и испытываемыхъ при созерцаніи такихъ образовъ, какъ Платонъ Каратаевъ, Пьеръ, Андрей Болконскій, Долли, нравственная красота которыхъ рельефно оттѣняется на фонѣ столь же мастерски изображенной „хищной“ пошлости людской?!.. Развѣ мы забыли, что обязаны графу уясненіемъ многихъ истинъ этическаго характера?..

Еще и теперь звучатъ въ нашихъ ушахъ слова Толстого: „нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“!.. Больно было читать авторитетное свидѣтельство сонма русскихъ іерарховъ о неправомысліи графа, но... *оно должно было быть*, и по малѣйшемъ вникновеніи въ суть дѣла сыномъ православной Церкви принимается, *какъ живой голосъ живого средоточія православно-русской Церкви.*

И да не смущается сердце православныхъ русскихъ почитателей всемірноизвѣстнаго великаго таланта графа Л. Н. Толстого при чтеніи приведеннаго опредѣленія Святѣйшаго Синода. Многовѣковая исторія человѣческой мысли и жизни твердо установила безспорный фактъ строгаго различія истинъ, входящихъ въ область вѣры, и истинъ, вполнѣ доступныхъ человѣческому вѣдѣнію. Можно быть геніальнымъ по своимъ дарованіямъ и вполнѣ искреннимъ по своимъ убѣжденіямъ и въ то же время находиться за оградою Церкви Христовой. Вѣра не то, что точное знаніе (раціональ-

ное или эмпирическое): она покоится въ концѣ концовъ не на логическихъ или фактическихъ доказательствахъ, а на соотвѣтствіи между душевнымъ строемъ человѣка и объектомъ вѣры. Вѣра—результатъ дѣйствія *всѣхъ* силъ человѣка въ ихъ высшемъ проявленіи, и, понятно, нужна гармонія душевнаго настроенія, чтобы вѣровать. Вѣра есть свободный подвигъ духа, переступающаго предѣлы видимаго и разсудочно постигаемаго, и, быть можетъ, главнымъ условіемъ пріобрѣтенія ея служитъ широта взгляда, соединенная со смиреніемъ ума (=сознаніемъ его ограниченности) и чистотою сердца. Можно быть выдающимся ученымъ въ извѣстной области знанія, но если ученый спеціалистъ не обладаетъ широтою взгляда, если онъ готовъ установленные имъ законы распространить на *всю* область бытія,—возможно, что онъ въ мірѣ не найдетъ личнаго Бога и не будетъ, понятно, сыномъ Церкви (каковъ былъ, напр., Лапласъ). Бываютъ люди искренніе, чистые серд-

цемъ, но слишкомъ самонадѣянные, слишкомъ свободолюбивые,—трудно и имъ приклонить свой слухъ въ послушаніе вѣры, потому что послушаніе имъ кажется порабощеніемъ духа, и они готовы скорѣе совсѣмъ отказаться отъ мысли о потустороннемъ мірѣ, нежели подчинить свой духъ тѣмъ нормамъ, которыя предлагаетъ Церковь. Такіе люди—недалеко отъ Царствія Божія, но не въ Царствіи Божіемъ. Къ своему утѣшенію Церковь знаетъ примѣры, когда подобныя лица переступали грань, отдѣлявшую ихъ отъ Церкви и дѣлались ея преданными сынами, и въ этой преданности находили успокоеніе своему тревожному духу...

Въ такомъ характерѣ вѣры—причина, къ прискорбію, нерѣдко повторявшагося въ исторіи человѣчества факта отчужденности и даже враждебности геніальныхъ въ той или другой области лицъ къ религіи Креста, которая еще эллинскому уму, стоявшему на едва-ли превзойденной высотѣ, представлялась—по

слову Св. Апостола—„безумiемъ“... И въ этомъ, быть можетъ,—причина предсказаннаго нашимъ Спасителемъ явленія—бóльшаго и бóльшаго уменьшенія Его послѣдователей, такъ что, по Его слову, при Своемъ второмъ пришествіи едва-ли Онъ найдетъ вѣру на землѣ.

Мнѣ приходилось уже отмѣчать въ печати *), сколь различными голосами говорятъ у насъ сыны Церкви православной и представители интеллигенціи. Такъ далеко отошли у насъ послѣдніе отъ церковнаго сознанія, что сомнѣваешься, будетъ-ли понятенъ твой голосъ свѣтскому человѣку. Но въ силу принципа audiatur et altera pars отъ людей серьезныхъ ждемъ—независимо отъ ихъ катехизиса—смѣлости, не замыкаясь въ сферу своихъ только мыслей и чувствъ, выслушать и другой голосъ, а для себя—права быть прочитанными...

---

*) См. журн. „Вѣра и Церковь“, 1900 г. № 5. Ст. „Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ свѣтской школѣ“.

I.

Приходила къ концу земная жизнь Спасителя; великій день служенія Его роду человѣческому былъ на исходѣ. Въ виду приближающихся страданій въ кругу Своихъ приближенныхъ учениковъ, которымъ предстояло быть продолжателями дѣла Его, открываетъ Онъ „не обинуяся“ Свою послѣднюю волю, въ осуществленіи которой должна заключаться жизнь вѣрующихъ въ Него лицъ. „Я есмь виноградная лоза, говоритъ Спаситель, а Отецъ Мой виноградарь... Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ плодъ многъ, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“. (Іоан. 15, 1, 4—5). Единеніе со Христомъ вѣрующихъ въ Него лицъ осуществляется въ глубокомъ проникновеніи сознанія Его ученіемъ, воли—Его на-

строеніемъ и въ реальномъ общеніи съ Нимъ всего ихъ существа: достигшій такого единенія со Христомъ подлинно единъ духъ съ Нимъ.—Вполнѣ понятно: указанное единеніе со Христомъ, будучи завершеніемъ нашего спасенія, служитъ въ то же время поставленной нашей волѣ цѣлью, въ постоянномъ осуществленіи которой должна состоять вся наша жизнь: во всѣ дни нашей жизни, мы, по слову апостола, должны содѣлывать наше спасеніе...

Не своимъ только силамъ предоставленъ нашимъ Искупителемъ человѣкъ въ достиженіи своего назначенія: условіемъ единенія со Христомъ служитъ единеніе всѣхъ вѣрующихъ между собою. „Да будутъ—слова первосвященнической молитвы Господней—всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино. Да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ, да будутъ едино, какъ Мы едино. Я въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ со-

вершены во едино“ (Іоан. XVII, 21—24). Вѣрующіе во Христа составляютъ изъ себя, такимъ образомъ, одно цѣлое. Это и понятно: стремясь къ единенію со Христомъ, христіанинъ не можетъ считать чуждыми себѣ тѣхъ лицъ, которые живутъ тѣмъ же самымъ стремленіемъ; вѣрующіе, значитъ, прежде всего объединены единствомъ вѣры. Но этого мало: Христосъ идетъ намъ навстрѣчу въ дѣлѣ спасенія, и если Онъ мнѣ оказываетъ въ немъ помощь, могу ли я думать, что Онъ лишитъ ея другихъ вѣрующихъ въ Него и ищущихъ Его?!.. Такъ вѣрующіе во Христа объединяются *въ Немъ* въ одно цѣлое: „Онъ миръ нашъ, говоритъ Апостолъ, разрушившій преграду, раздѣлявшую небо и землю, а на землѣ іудеевъ и эллиновъ. И тѣхъ и другихъ примирилъ Онъ съ Богомъ „посредствомъ Креста, убивъ вражду на немъ, благовѣствовавъ миръ дальнимъ и близкимъ: потому что чрезъ Него и тѣ и другіе имѣютъ доступъ къ Отцу, въ одномъ духѣ“ (Ефес. 2 глава). — Выраженіемъ

указаннаго единства служитъ Церковь Христова, какъ общество всѣхъ вѣрующихъ во Христа,—тѣло Его, возглавляемое Имъ и одушевляемое Святымъ Духомъ. Церкви, какъ Своему тѣлу, Спаситель, ея Глава, сообщилъ необходимыя средства для спасенія—полноту истины, доступной нашему разумѣнію, и таинства, посредствомъ которыхъ она усвояла бы людямъ Его крестныя заслуги, сообщала имъ спасительную благодать, освящала ихъ и *созидала въ жилище Божіе духомъ* (Еф. II, 22)*). Въ Церкви, такимъ образомъ, и только въ ней можетъ осуществляться единеніе вѣрующихъ со Христомъ: только ей одной, въ которой по неложному Своему обѣщанію, Спаситель пребывалъ, пребываетъ и будетъ пребывать до скончанія вѣка, принадлежитъ несравнимое преимущество исповѣдывать чистую истину и жить истинною спасительною жизнью: „созижду Церковь

*) Митрополитъ Макарій. — Православно-догматическое богословіе.

Мою, вѣщалъ Божественный Искупитель, и врата адова не одолѣютъ ей". Истина Христова, по слову одного изъ современныхъ архипастырей*), дана не каждому особо, а всѣмъ ученикамъ Христовымъ вмѣстѣ, дана ихъ взаимной любви, ихъ богозданному единству, дана Церкви и въ ней-то только каждому человѣку. Церковь, т. о., и только она одна, „руководимая Своимъ Божественнымъ Главою, вдохновляемая живущимъ въ ней Св. Духомъ, служитъ единственной хранительницей и истолковательницей Богооткровенныхъ истинъ и нравственно-воспитательнымъ институтомъ, въ которомъ ея члены почерпаютъ благодатныя силы для укрѣпленія своихъ немощей на трудномъ пути спасенія" (проф. В. З. Завитневичъ). „Будетъ въ послѣдніе дни— такъ вѣщали еще пророки Исаія (II, 2—4) и Михей (IV, 1—3) о предносившейся ихъ пророческому взору Церкви—гора

*) Собраніе сочин. Еписк. Антонія (Храповицкаго). Казань 1900. II т., стр. 122.

дома Господня поставлена будетъ во главу горъ и возвысится надъ холмами, и потекутъ къ ней народы и пойдутъ многіе народы и скажутъ: пріидите и взойдемъ на гору Господню и въ домъ Бога Іаковлева, и *Онъ научитъ насъ путямъ Своимъ и будемъ ходить по стезямъ Его*; ибо отъ Сіона выйдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима".

Будучи единствомъ всѣхъ истинно вѣрующихъ во Христа, возглавляемымъ Христомъ и одушевляемымъ Духомъ Святымъ, Церковь образуетъ въ своихъ нѣдрахъ внѣшнее средоточіе своей внутренней жизни — іерархію, которая — въ живомъ общеніи съ пасомыми — съ одной стороны хранитъ въ цѣлости и неприкосновенности Христово ученіе, разъясняетъ его по требованію обстоятельствъ, вводитъ вѣрующихъ въ тѣсное общеніе со Христомъ черезъ таинства, съ другой, блюдетъ за чистотою вѣры и нравственности членовъ Церкви. Примѣнительно къ историческимъ условіямъ единая вселенская Церковь существуетъ въ формѣ

отдѣльныхъ частныхъ Церквей, единыхъ по духу, раздѣленныхъ по мѣсту. Вселенскій соборъ, по смыслу сказаннаго, есть средоточіе вселенской Церкви. Помѣстный соборъ—временно-ли то созываемый или постоянный (каковы суть Синоды)—средоточіе частной Церкви.

Будучи непосредственными преемниками апостоловъ, пастыри Церкви „относительно употребленія или примѣненія къ жизни членовъ Церкви богодарованныхъ средствъ спасенія надѣлены особыми полномочіями, сущность которыхъ состоитъ въ правѣ *вязать и рѣшить*, или въ томъ, что они по усмотрѣнію могутъ сообщать средства спасенія людямъ и отказывать въ нихъ, допускать къ нимъ и запрещать пользованіе ими“ (Архіеп. Амвросій Харьковскій). Основаніемъ такому праву и руководствомъ въ проведеніи его въ жизнь служатъ извѣстныя слова Божественнаго Основателя Церкви. „*Если*, говорилъ Онъ, *согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя,*

то пріобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если-же не послушаетъ ихъ, скажи Церкви; а если и Церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь" (Мѳ. XVIII, 15—17). Истинный смыслъ приведенныхъ словъ Христовыхъ таковъ: „если твой единовѣрецъ, ближній твой, твой братъ по духу, согрѣшаетъ противъ вашего единовѣрія умомъ, мыслью, словомъ и соблазнительнымъ примѣромъ,— осторожно обличи его по-братски наединѣ. Если тебя одного не послушаетъ, обличи его кротко и благоразумно при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ-единовѣрцахъ, ближнихъ братіяхъ. Если не послушаетъ и всѣхъ васъ,—повѣдай Церкви, пусть предстоятели Церкви обличатъ его кротко и отечески. Если же, наконецъ, преслушаетъ и Церковь, то на землѣ больше суда для него нѣтъ. Предоставь дальнѣйшій судъ надъ нимъ, надъ его упорствомъ суду Божію. А для васъ онъ

пусть будетъ чуждъ, отдѣленъ, отлученъ отъ васъ“ (Никаноръ, Архіепископъ Херсонскій и Одесскій). Руководствуясь данным ей Божественнымъ Основателемъ правомъ, Церковь въ духѣ его и поступала съ первыхъ дней своихъ со всѣми, отрицавшими основы ея жизни, лицами. Вотъ слышитъ апостолъ языковъ, мужъ недосягаемой для простыхъ смертныхъ широты взгляда, что въ основанной имъ Галатійской Церкви появились лжеучители, которые отторгли нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ ея. „Удивляюсь, пишетъ имъ любвеобильный Апостолъ, что вы отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію... Но *если бы даже мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что́ мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема“, т. е. отдѣленъ отъ Церкви.* (Галат., I, 6. 7). „Есть вѣрный слухъ, пишетъ тотъ-же Апостолъ въ Коринѳскую Церковь, что у васъ появилось такое преступленіе, котораго не слышно даже у язычниковъ“...

И повелѣваетъ Апостолъ этого преступника отдѣлить отъ Церкви впредь до исправленія (1 Кор. V), каковое дѣйствительно и послѣдовало. Что значатъ эти факты? Неужели у Апостола, написавшаго извѣстный всему міру гимнъ любви (Коринѳ. гл. XIII), не достало на сей разъ снисходительности? Или, можетъ быть, страдалъ онъ нетерпимостью взгляда? Прекратимъ кощунственныя догадки. Непоколебимость убѣжденія, точность и опредѣленность міросозерцанія—вотъ чѣмъ, какъ рѣзцемъ, отсѣкается все, неподходящее къ нему. Какъ въ здоровомъ организмѣ заболѣвшій членъ отстаетъ отъ жизни остальныхъ членовъ, и необходимо или излѣчить его или отдѣлить, такъ и въ Церкви, какъ въ обществѣ людей, имѣющемъ свои законы жизни, нарушители послѣднихъ не могутъ не обращать на себя вниманія тѣхъ, кому дорога жизнь общества, и такъ или иначе послѣдніе должны отнестись къ нему.— Въ духѣ Апостола поступала Церковь и во всѣ послѣдующія времена, изрекая

лицамъ, подрывающимъ основы ея жизни, „анаѳему“,—слово, которое „по недоразумѣнію, по раздраженію человѣческихъ сердецъ, по удаленію нѣкоторыхъ отъ духа Христова, по непониманію смысла и духа словъ Христовыхъ у насъ, на Руси, сдѣлали совершенно несправедливо синонимомъ проклятія (Архіеп. Никаноръ). Мы не погрѣшимъ, если истинный смыслъ анаѳемы, изрекаемой Православною Церковью вреднымъ и неисправимымъ членамъ ея, выразимъ въ двухъ словахъ: „оставьте насъ“, сопровождаемыхъ въ то же время молитвой о возвращеніи непокорныхъ, *но уже другимъ по духу,* въ лоно ея. „Вы не вѣруете, какъ Господь повелѣлъ намъ вѣровать, вы пренебрегаете Его святыми заповѣдями, вы уничижаете Его святую благодать, вы издѣваетесь надъ уставами Его Церкви, которую Онъ создалъ, которую такъ любитъ, которую обѣщалъ хранить до конца міра, въ которой положилъ всѣ сокровища Своихъ искупительныхъ заслугъ; вы вносите въ эту Церковь свои

разрушительныя воззрѣнія и ученія, вы глумитесь надъ церковными чиноположеніями, обрядами и обычаями; для васъ ничто въ Церкви не свято, ничто не дорого, ничего вамъ не нужно,—„оставьте насъ“. Мы готовы быть въ мирѣ съ вами, какъ со всѣми согражданами, невѣдущими вѣры и закона Христа; мы можемъ быть и сосѣдями вашими, и сослуживцами, и сотрудниками въ дѣлахъ общежитія, но не въ единомыслiи относительно предметовъ вѣры, не въ общеніи молитвъ и таинствъ, не въ союзѣ любви духовной, не въ раздѣленіи съ вами нашихъ надеждъ и упованій,—„оставьте насъ“. Вы стали язычниками, отреклись отъ чистоты и полноты вѣры Христовой, вы по жизни стали для насъ тѣмъ, чѣмъ были мытари для древнихъ евреевъ; мы такъ и понимаемъ васъ, какъ Господь повелѣлъ намъ васъ разумѣть: буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь. На это ваша свободная воля—быть тѣмъ, чѣмъ вы желаете, а наша обязанность смотрѣть на васъ и относиться къ вамъ такъ, какъ

намъ повелѣно отъ Господа Іисуса Христа, въ Котораго мы вѣруемъ и отъ Котораго ожидаемъ вѣчнаго спасенія. По заповѣди нашего Господа намъ остается еще только молиться о васъ: „Пресвятая Троице! сотвори, да пріидутъ въ познаніе вѣчныя Твоея истины“. (Архіепископъ Амвросій).

Теперь скажите, можетъ ли Православная Церковь указывать на принадлежность къ ней того или другого учителя вѣры, который не будетъ исповѣдывать ея основныхъ догматовъ? Скажу болѣе: можетъ-ли Церковь равнодушно относиться къ тому, какому духу слѣдуетъ въ своихъ убѣжденіяхъ тотъ или другой членъ ея?.. Можетъ ли Церковь молчать въ то время, когда ея же члены, разрывая союзъ съ нею, вступаютъ на путь нравственной гибели? Молчать при такихъ условіяхъ—значитъ равнодушно относиться къ духовному благосостоянію людей, задерживать внѣшнее выраженіе своей внутренней жизни, стоять подъ спудомъ, а не на свѣшницѣ. Нѣтъ, если

православная Церковь сознаетъ, что она— и только она—обладаетъ полнотою религіозной истины, что отчужденіе отъ нея гибельно для ищущихъ спасенія, она *должна* открыто, вслухъ всего міра, не взирая на лица, вѣщать истину, хотя бы это вѣщаніе вызывало упреки и даже вражду къ ней.

Да простится мнѣ нѣкоторая тривіальность сближеній, ищущая убопримѣнимости въ изложеніи мыслей.

Всякое земное общество, учрежденное на почвѣ ли то научной, или практической, имѣетъ свои уставы, преступать которые члены не могутъ, если не хотятъ покидать его, потому что въ исполненіи этихъ уставовъ—жизнь общества, въ нарушеніи или попраніи—его смерть. Какъ зорко слѣдятъ, напр., „Русскія Вѣдомости“ за соблюденіемъ принципа законности въ жизни того или другого учрежденія, будетъ-ли оно правительственнымъ или частнымъ соединеніемъ людей! Какъ справедливо негодуютъ онѣ на нарушеніе членами его основныхъ

пунктовъ устава! Да иначе и быть не можетъ. Жизнеспособность каждаго человѣка выражается въ томъ, что называется его индивидуальностью: безличныя существа не имѣютъ права на жизнь. Въ убѣжденіяхъ человѣка есть такіе существенные пункты, такое зерно его душевнаго строя, въ которомъ „резонъ бытія“ человѣка... И если онъ можетъ поступиться второстепеннымъ, то къ существеннымъ пунктамъ своего міросозерцанія равнодушно относиться онъ не имѣетъ права,—не имѣетъ права, если онъ не флюгеръ, готовый мѣнять свои взгляды по дуновенію малѣйшаго вѣтерка, мириться со взглядами противоположнаго характера... Не о нетерпимости рѣчь здѣсь. Наоборотъ: уважать взгляды другого только тотъ можетъ, кто умѣетъ уважать свои взгляды, а кто уважаетъ свои взгляды, тотъ не смѣшаетъ ихъ съ чуждыми рѣчами.

Подобно отдѣльному человѣку и общество людей только тогда имѣетъ право на жизнь, когда въ основѣ его лежатъ

опредѣленные уставы, точно отдѣляющіе его отъ другихъ обществъ. Хилымъ и гнилымъ будетъ то общество, которое равнодушно отнесется къ нарушенію его устава какимъ-либо членомъ. Что-же за общество трезвости, на засѣданіяхъ котораго одни члены будутъ напиваться, а другіе равнодушно относиться къ этому явленію?!..

Примѣните теперь сказанное къ обществу людей, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами, т. е. къ Церкви,— и вы согласитесь, что Церковь не можетъ, не должна молчать, когда ея же членами попираются ея уставы. Пока Церковь жива (а она будетъ таковой до скончанія вѣка), она должна возвышать свой голосъ во свидѣтельство истины, потому что она столпъ и утвержденіе истины (1 Тим. III, 15). Въ этомъ ея жизнь, ея назначеніе.

Если, такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Церковь имѣетъ не только право, но и обязанность сви-

дѣтельствовать о принадлежности къ ней тѣхъ или другихъ лицъ, то спрашивается: чѣмъ она должна руководиться въ распознаваніи истинныхъ и ложныхъ послѣдователей Христа? Основаніе для этого ясно и опредѣленно указано для ней. Христіанинъ тотъ, кто вѣруетъ въ Бога, пришедшаго во плоти. „Не всякому духу вѣрьте,—пишетъ возлежавшій на груди Спасителя на тайной вечери Его вдохновенный Апостолъ любви, Евангелистъ изначала бывшаго Слова,—но испытывайте духовъ, отъ Бога-ли они: потому что много лжепророковъ явилось въ міръ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: *всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти (иначе Богочеловѣка), есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста,* о которомъ вы слышали, что онъ придетъ и теперь есть въ мірѣ. Дѣти! Вы отъ Бога и побѣдили ихъ, ибо Тотъ, кто въ васъ, больше того, кто

въ мірѣ". Вотъ тотъ свѣточъ, которымъ опредѣляется принадлежность того или другого лица къ стаду Христовыхъ овецъ, „которыя слушаются голоса Своего Пастыря" (Іоан. X, 26). Не всякая жизнь есть тотъ свѣтъ, что̀ принесъ на землю Спаситель, но только та, въ которой исповѣдуется Іисусъ Христосъ, во плоти пришедшій, та жизнь, начало которой Онъ положилъ, придя на землю во плоти. Ученіе о Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, воплотившемся отъ Дѣвы Маріи, составляетъ существенную часть того исповѣданія вѣры, которое принято Церковью на 2-мъ вселенскомъ соборѣ, и которое является съ того времени символомъ— знакомъ православной вѣры. Искреннимъ принятіемъ этого символа и опредѣляется принадлежность того или другого лица къ православной Церкви *).

---

*) Графъ Л. Н. Толстой высказываетъ мысль о *существенномъ различіи* Символа вѣры и Евангельскаго ученія. Приходилось мнѣ слышать подобныя предположенія и отъ другихъ лицъ нашего свѣтскаго общества. Вотъ по этому вопросу краткія справки. Со-

II.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, „русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему“, много лѣтъ тому назадъ, высказавъ свои религіозные взгляды, открыто и неприкро-

---

поставьте ученіе о личности Христа Евангелій, апостольскихъ посланій и Символа. „(Вѣрую), читаемъ въ Символѣ,—во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша“. Это ученіе въ *тождественныхъ выраженіяхъ* изложено въ Евангеліяхъ и у св. апостоловъ: Мѳ. 3, 17; 17, 5; Мѳ. 16, 15—17; Іоан. 1 глава; 3 гл.; бесѣда съ Никодимомъ; 4 гл.: бесѣда съ Самарянкой; 5 гл.: ученіе о равенствѣ и единосущія съ Отцемъ: Іоан. 14, 17; 17, 10; 10, 30. 36. 38. Мѳ. 16, 16. 20.; 14, 33; Марк. 9, 7 и т д. Апостольское ученіе: 1 Іоан. (онъ-же Евангелистъ) 1, 7; 2, 22, 23, 24; 3, 8. 23; 4, 9. 10. 14 и т. д. Римл. 1, 3. 4. 9.; 5, 10; 8, 3. 29. 32; 1 Кор. 1, 9; 15, 28; 2 Кор. 1, 19; Гал. 1, 16; 2, 20 и т. д. Ученіе о Божествѣ Спасителя, изложенное словами, вошедшими въ Символъ, составляетъ самую главную часть апостольскихъ посланій. А вотъ также въ тожд. выраженіяхъ ученіе о пришествіи Спасителя на землю во плоти: 3. 4, члены С. в.—Мтѳ. 26, 28; 20, 28; 26, 64; 27, 26; Марк. 14, 24; 10, 45; 15, 15, 45—46, Лук. 22, 19, 20; 1, 35; 23, 24—25. 52—53. Іоан. 3, 16, 17; 11, 51; 52; 10, 16; 3, 13; 6, 62; 16, 27. 28; 1, 14; 19, 16. 42. Не приводимъ цитатъ изъ посланій Св. Апостоловъ.

венно отдѣлилъ себя отъ „вскормившей и воспитавшей его Матери Церкви православной“, а затѣмъ и отъ христіанства вообще. Съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, пишетъ графъ въ своемъ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра, („Ma religion“, Paris, 1885), началось искаженіе христіанства, привнесеніе въ него того, что называется метафизикой, или догматикой, въ чемъ повиненъ прежде другихъ апостолъ Павелъ, который опредѣлилъ вѣру „признаніемъ за реальное того, что не реально“. И вотъ на этомъ пути создаются не имѣющія будто-бы въ Евангеліяхъ основанія догмы о личности Бога, о Божествѣ Іисуса Христа, о Его безсѣменномъ зачатіи и воплощеніи отъ Пресвятой Дѣвы Маріи,—о личномъ безсмертіи человѣческой души, о загробномъ воздаяніи... Много вѣковъ прошло въ этомъ заблужденіи, и только теперь (см. „Исповѣдь“ графа) открылся графу тотъ критерій (непротивленіе злу), при помощи котораго можно, уничтоживъ всю ложную (метафизическую=догмати-

ческую) сторону Евангелій, возстановитъ подлинное ученіе Христа... И создается пресловутое евангеліе графа, излагать которое считаемъ лишнимъ во всѣхъ отношеніяхъ... Скажемъ только, что сущность Христова ученія графъ сводитъ къ слѣдующимъ пяти заповѣдямъ: не противься злу, не судись, не прелюбодѣйствуй, не клянись, не воюй... Но на этомъ моментѣ въ развитіи своихъ воззрѣній графъ Толстой не остановился. Пантеистъ по убѣжденію*), онъ напра-

*) Вопреки популярному взгляду міровоззрѣніе графа Толстого представляетъ по послѣдовательности проводимыхъ взглядовъ нѣчто весьма цѣльное. Объ этомъ въ свое время говорили такія авторитетныя лица въ литературно-философской области, какъ Н. Н. Страховъ („Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ 2 изд. С.-Петербургъ, стр. 313.), П. Е. Астафьевъ (въ ж. „Вопросы философіи и психологіи“, книга 4).

Я даже усилилъ бы ихъ мысли. По моему убѣжденію, неправильно отличать міросозерцаніе графа періода художественной его дѣятельности и періода его философствованія, къ чему я пришелъ путемъ систематическаго изученія сочиненій графа... Его XIII томъ и всѣ заграничныя изданія въ существенныхъ своихъ взглядахъ коренятся въ раннихъ произведеніяхъ его:

вилъ силу своего недюжиннаго ума и громаднаго литературнаго дарованія на полемику съ истинно христіанскимъ уче-

---

въ первыхъ взгляды его лишь приправлены полемическими выходками противъ православной Церкви вродѣ приведенной выше... Всѣ заповѣди „Въ чемъ моя вѣра“ можно найти въ собственно литературныхъ твореніяхъ автора. Любопытныя въ этомъ отношеніи можно сдѣлать справки. 1. Отрицаніе права собственности. См. XII т. Два брата и золото, Ильясъ, сказка объ Иванѣ дуракѣ, Холстомѣръ („Слова „моя лошадь“, говоритъ этотъ философъ, относились ко мнѣ, живой лошади, и казались мнѣ такъ же странны, какъ слова „моя земля“, „мой воздухъ“, „моя вода“ — стр. 325). 2. Крейцерова соната не только по мыслямъ, но и по выраженіямъ коренится въ прежнихъ сочиненіяхъ. См. II т. (Изд. 1900 г.) стр. 283; IX т. стр. 63, 235, 236, 251, 252, 316; XI т. стр 17, 297. Даже достойная лучшаго дѣла вражда противъ медицины и куренія табаку. См. VII т. стр. 93; IX т. стр. 92, 184; XII т. стр 335; XIII т. стр. 120 и т. д.). Графъ Л. Н. Толстой—убѣжденный пантеистъ еще въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ автобіографическомъ значеніи Пьера, князя Андрея Болконскаго и Константина Левина „Анны Карениной“. А эти лица—всѣ пантеисты. Вспомните посѣщеніе Пьеромъ князя Андрея въ деревнѣ Богучаровѣ послѣ смерти „маленькой княгини“, ихъ бесѣду на паромѣ, съ рѣдкой красотой описанную художникомъ, когда волны теченія, съ слабымъ звукомъ ударяясь о дно парома, — казалось князю, — къ словамъ Пьера объ истинѣ пантеизма приговаривали: „правда, вѣрь это-

ніемъ и на разрушеніе самыхъ основъ Православной Церкви. И сколько тяжелыхъ огорченій доставилъ онъ почита-

---

му!..“ и князь Андрей Болконскій за нѣсколько дней до смерти дѣлается убѣжденнымъ пантеистомъ... Припомните думы Пьера въ амбарѣ—по взятіи его въ плѣнъ; припомните пришедшія Пьеру послѣ смерти Платона Каратаева на память слова Швейцарскаго учителя географіи, который приравнялъ жизнь человѣка къ водяному глобусу. „Какъ это просто и ясно! думаетъ Пьеръ. Какъ я могъ не знать этого прежде! Въ срединѣ Богъ, и каждая капля стремится расшириться, чтобы въ наибольшихъ размѣрахъ отражать Его. И растетъ, и сливается, и сжимается и уничтожается на поверхности, уходитъ въ глубину и опять выплываетъ. Вотъ онъ Каратаевъ! Вотъ разлился и исчезъ!“

Анализируйте далѣе изображенія смерти графомъ Л. Толстымъ и вездѣ вы ясно услышите нескрываемые пантеистическія мотивы. Какъ только умирающій, будетъ ли то князь Андрей Болконскій, или Иванъ Ильичъ, или хозяинъ, постигнутъ, что они частицы мірового бытія, возвращающіяся въ свое лоно, такъ исчезаетъ страхъ смерти, исчезаетъ сама смерть, и является на мѣсто ея пробужденіе.

Если въ литературныхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого по самому свойству художественнаго творчества пантеистическія убѣжденія являются болѣе или менѣе прикровенными, то въ статьяхъ философскаго характера онъ открыто защищаетъ ихъ. Вотъ слова одной изъ новѣйшихъ его статей (См. въ ж. „Die Zeit“, февр. 1901 г., статью „Gedanken über Gott“): „Мы считаемъ Бога личнымъ не потому, что онъ личенъ, а по-

телямъ его литературнаго таланта неразборчивостью средствъ въ достиженіи поставленной цѣли!.. Міровой пѣвецъ „правды“ *), сколько поразительной неправды изрекъ графъ на Христову вѣру и хранительницу ея Церковь! По силѣ слѣпого и ослѣпляющаго фанатизма вражда

тому, что мы сами личны. Я держу предъ глазами зеленое стекло и вижу весь міръ зеленымъ. Иначе видѣть я не могу, хотя и знаю, что онъ не таковъ“.

Графъ Л. Н. Толстой—съ раннихъ лѣтъ убѣжденный пантеистъ. Какъ же, говорятъ мнѣ, мирится съ этимъ признаніе имъ молитвы? Если бы это и было такъ,—несовмѣстимаго здѣсь нѣтъ. Ниже я упоминаю о существующей въ Лондонѣ позитивистической общинѣ. У нея также происходятъ моленія. Вотъ образецъ употребляющейся эктеніи:

Священникъ: Мы преклоняемся предъ тобою, великое бытіе человѣчества, въ благодареніи.

Народъ: Какъ чада твоего прошлаго.

Священникъ: Мы поклоняемся тебѣ въ упованіи.

Народъ: Какъ твои служители и дѣятели для будущаго и т. д.

А священникъ даже и облаченіе надѣваетъ. Трудно представить, до какой степени уродливости можетъ дойти присущее человѣку религіозное чувство, если оно оторвется отъ почвы здравой вѣры. См. Апологія христіанства. Публичныя чтенія проф. Лейпцигскаго университета Лютардта, пер. Лопухина. С.-Петербургъ 1892 г. Прилож., стр. 711.

*) Гр. Л. Н. Толстого. Москва 1890 г. III томъ, 169 стр.

графа Толстого противъ Церкви представляетъ собою рѣдкое и поучительное явленіе. Вѣдомо-ли всѣмъ почитателямъ графа такое отношеніе его къ Православной Церкви? „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры,—пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи „Царство Божіе внутри васъ“ *),—нельзя вѣрить тому и другому. И церковниками выбрано послѣднее: символъ вѣры учится и читается, какъ молитва, въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ, какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, прихожане не услышатъ ее“. Не знаешь, что говоритъ устами великаго романиста — непростительное ли невѣжество или... назовите какимъ хотите деликатнымъ словомъ то, что мы называемъ хулою на Церковь. Пусть графъ возьметъ Новый Завѣтъ Синодаль-

*) „Царство Божіе внутри васъ, или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе“. Берлинъ 1894 г., въ двухъ томахъ. Томъ I, стр. 108.

наго изданія 1896 года и посмотритъ въ приложенное въ концѣ „Указаніе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на всѣ дни года“ и тогда пусть самъ называетъ свой поступокъ... Далѣе. Деликатность должна быть присуща всякому человѣку. Она есть способность одного человѣка стать на мѣсто другого, войти, что называется, въ душу его, пожить его чувствами. На этой способности основывается умѣніе человѣка уважать чувства другого, цѣнить убѣжденность своихъ ближнихъ. Я считаю для себя непозволительнымъ относиться съ какимъ либо явнымъ пренебреженіемъ къ чувствамъ и мыслямъ другого, хотя бы я признавалъ ихъ не истинными. Особенно сохраняетъ это свою силу по отношенію къ религіознымъ убѣжденіямъ человѣка. Было бы полною безнравственностью смѣяться надъ тѣмъ, что составляетъ „святое святыхъ“ въ душевномъ строѣ другого. И этого ли не знать графу, такъ чутко и глубоко вскрывавшему души своихъ героевъ, такъ горячо ратовавшему

за свободу мысли и чувства!!.. И что же? Кощунственное изображеніе литургіи въ заграничномъ изданіи „Воскресенія“ отводитъ „великому писателю земли русской“ едва-ли не первое мѣсто среди представителей рѣзко-отрицательнаго отношенія къ христіанству. И забылъ въ ослѣпленіи своей борьбы новоявленный проповѣдникъ любви, что для многихъ милліоновъ людей такъ неуважительно описываемая имъ Божественная литургія составляетъ дорогой предметъ вѣры, то сокровище, предъ которымъ блекнутъ всѣ земныя привязанности!.. Читая „Лурдъ“ Золя, я возмущался его неделикатностью, выразившейся въ неумѣстныхъ, допущенныхъ ради эффекта, сближеніяхъ явленій, безконечно различныхъ со стороны своей нравственной цѣнности. Мнѣ казалось, что и въ нравственномъ отношеніи художникъ слова долженъ возвышаться надъ среднимъ человѣкомъ. А нашъ великій реалистъ далеко за собою оставилъ въ разсматриваемомъ отношеніи западнаго фотографа!...

Но все это еще полбѣды. Графъ Л. Толстой—сознательный основатель и руководитель цѣлаго общества людей, едва ли не основнымъ догматомъ котораго служитъ фанатичная вражда къ Православной Церкви... Считая себя учителемъ жизни, онъ старается проводить свое ученіе въ жизнь общественную. Его великій авторитетъ художника слова создаетъ ему немалое число послѣдователей. И какое тяжелое недоразумѣніе! Многіе изъ послѣднихъ наивно думаютъ, что графъ—христіанинъ, лишь разнящійся въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія отъ господствующей церкви... А графъ своими непростительными мистификаціями (пантеистическая сила, иначе міровой разумъ—Христосъ...), обильными текстами поддерживаетъ это заблужденіе, сбивая съ толку нашу русскую интеллигенцію!.. *).

---

*) Въ виду бывшаго разговора съ однимъ изъ представителей интеллигентнаго общества, который сомнѣвался въ такомъ значеніи дѣятельности графа Толстого, позволяю себѣ напомнить сдѣланное еще въ

Скажите теперь откровенно, отвлекшись отъ обаянія личности графа, какъ художника, каково должно быть отношеніе Церкви къ такому проповѣднику

1893 году покойнымъ П. Е. Астафьевымъ въ его „Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія“ (гл. „Религіозное обновленіе нашихъ дней“) указаніе на „огромное и глубокое умственное вліяніе“ графа Толстого, который „увлекаетъ все далѣе и далѣе *отъ догматическихъ и мистическихъ основъ христіанства* незрѣлыхъ умственно людей“, соблазняющихся „покровами текстовъ“. Въ свое время свящ. Ѳ. И. Титовымъ указано было въ актовой академической рѣчи на тотъ путь прозелитизма, на который сталъ графъ Л. Н. Толстой (см. „Труды Кіевск. дух. Акад.“ за 1897 г.)

Все вышеизложенное не стоитъ въ противорѣчіи съ высказаннымъ раньше моимъ уваженіемъ къ графу Л. Толстому, какъ къ художнику. Наша русская критика справедливо указала, что взгляды автора того или другого литературнаго произведенія для читателей не обязательны. Я могу цѣнить высоко-правдивое изображеніе такого, напр., типа, какъ Базаровъ ром. „Отцы и дѣти“, хотя на него могу смотрѣть совсѣмъ иными глазами, чѣмъ авторъ, создавшій его, какъ въ приведенномъ примѣрѣ и есть. И С. Тургеневу дорогъ Базаровъ по своимъ убѣжденіямъ (Полное собраніе сочиненій, С.-Петербургъ 1891 г. т. X, стр. 102 и 103, примѣчаніе), а меня онъ *просто возмущаетъ*, и, можетъ быть, въ этомъ именно я и полагаю правдивость изображенія, непокорившуюся субъективному чувству художника, и положительное значеніе типа... Значитъ: иное дѣло художественное изображеніе явленія, иное — личныя убѣжденія автора.

вѣры. Если нашъ Святѣйшій Синодъ, выражаясь словами преданнаго сына Православной Церкви А. С. Хомякова, не есть вѣдомство православнаго исповѣданія, какое-то министерство религіозныхъ дѣлъ, а *живой органъ каѳолической истины,* голосомъ котораго дорожатъ сыны православной Церкви и котораго ждутъ въ минуты душевной тревоги,—долженъ ли онъ сказать свое авторитетное слово по поводу литературно-общественной дѣятельности такого лица, которое вотъ уже десятки лѣтъ смущаетъ однихъ, увлекаетъ другихъ, великую скорбь душевную доставляетъ третьимъ?! Да и въ чемъ же можетъ выразиться жизнь Церкви, какъ именно не въ этомъ? Въ бюрократическихъ номерахъ входящихъ и исходящихъ журналовъ укладывается жизнь канцелярій, а Святѣйшему Синоду дана власть и обязанность вѣщать истину вслухъ всего міра. И если соборъ православно-русскихъ епископовъ ясно и твердо высказался по поводу толстовскаго лжеученія—значитъ, наша род-

ная Церковь еще не оскудѣла внутреннею жизнію; она дорожитъ тою святыней, которая хранится въ ея нѣдрахъ; она помнитъ о своей обязанности матерински предупреждать своихъ дѣтей отъ вступленія на тотъ путь, который ведетъ не къ жизни, а къ смерти.

Вамъ ея голосъ представляется слишкомъ грознымъ? Вы хотѣли бы слышать изъ устъ Церкви не слова прещенія и угрозы, а слова любви и милосердія? Прислушайтесь внимательнѣе къ голосу Церкви (вчитайтесь въ посланіе Св. Синода) — и вы услышите въ немъ не суровую угрозу, а материнскую скорбь объ отпадающихъ, соединенную съ молитвой къ Богу объ ихъ обращеніи... Мать, узнавъ о томъ, что ея любимый сынъ вступилъ на путь погибели, пишетъ ему письмо, въ которомъ, предупреждая сына о грозящей ему опасности, проситъ, умоляетъ его измѣнить направленіе жизни. Что вы прочтете въ этомъ письмѣ—любовь или угрозу? Съ моей точки зрѣнія грознымъ является не письмо, — нѣтъ, оно

преисполнено скорбной любви къ сыну,— а самый фактъ его уклоненія на гибельную дорогу. Спрашивается: можетъ ли мать устранить гибельныя послѣдствія этого факта? Можетъ, но лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если ея убѣжденія подѣйствуютъ на свободную волю ея сына; а разъ этого не будетъ—матери остается только оплакивать свое дитя... Православно-русская Церковь, узнавъ объ отпаденіи отъ нея своего даровитаго сына, напоминаетъ ему и его послѣдователямъ о грозномъ значеніи этого факта,—гдѣ тутъ прещенія? гдѣ угрозы? Грознымъ является не посланіе Св. Синода,—скорбь и молитва проникаютъ его отъ начала до конца,—а самый фактъ отпаденія гр. Л. Толстого отъ Церкви,—грознымъ, конечно, съ точки зрѣнія не самого графа, возстающаго противъ Церкви, а—тѣхъ, которые, согласно апостольскому слову (I Петр. III, 20—22), считаютъ Церковь ковчегомъ спасенія. Предупредить человѣка, стоящаго на краю пропасти, о грозящей ему

опасности—значитъ не грозить ему, а заботиться о немъ; открыто засвидѣтельствовать, что графъ Л. Толстой и его послѣдователи находятся за оградою Православной Церкви, значитъ не грозить имъ, а напомнить имъ объ опасности. Убѣжденіе, напоминаніе, предупрежденіе—это такія средства, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ духу Христіанской Церкви. Сверхъ этого ей остается только молиться объ обращеніи отпадающихъ, и она молится объ этомъ,—молится всегда, молится и теперь: „Молимтися, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати (отпадающихъ и заблуждающихся) ко Святой Твоей Церкви!“...

Едва-ли можно любвеобильнѣе выразить мысль свою. Для непредубѣжденнаго взора очевидно, что синодальный актъ не есть какая-то месть и даже наказаніе, а со скорбію изрекаемое засвидѣтельствованіе факта, ранѣе и независимо отъ Святѣйшаго Синода совершившагося... И не ненависть къ графу, а горячую молитву о его об-

ращеніи вызоветъ посланіе среди истинныхъ сыновъ Православной Церкви.

III.

Позволю себѣ для болѣе полнаго изслѣдованія разсматриваемаго вопроса войти въ ближайшее разсмотрѣніе тѣхъ возраженій и недоумѣній, вызванныхъ синодальнымъ посланіемъ, съ которыми мнѣ лично приходилось сталкиваться.

„Вотъ,—слышу я отъ нѣкоторыхъ лицъ, —когда мы читали возраженія графу Толстому покойнаго архіепископа Никанора, мы вполнѣ признавали за нимъ нравственное право критиковать столь отличное отъ его вѣры ученіе и соглашались съ нимъ по существу. Теперь же, когда слышимъ голосъ Святѣйшаго Синода, каковой есть *оффиціальное* заявленіе, наша мысль и чувство не мирятся съ этимъ. Голосъ Синода насъ, сыновъ Православной Церкви, обязываетъ теперь смотрѣть на убѣжденія графа уже опредѣленнымъ образомъ. А это

есть насилованіе мысли"... Да, заставляетъ теперь смотрѣть опредѣленнымъ образомъ на ученіе графа Толстого. Да и не только теперь. А прежде развѣ можно было сыну Православной Церкви смотрѣть иначе на убѣжденія графа? Можно было ошибаться, смѣшивать ложь съ истиной, прельщаясь накинутой неправильно одеждой текстовъ, библейскихъ ссылокъ. Вотъ, чтобы не было этого смѣшенія, Святѣйшій Синодъ и приходитъ на помощь чадамъ Православной Церкви.

Обязываетъ смотрѣть *опредѣленнымъ образомъ* на ученіе графа Толстого и въ этомъ смыслѣ, *выражаясь неточно*, производитъ насилованіе мысли? Иначе и быть не можетъ: развѣ истина—если она дѣйствительно истина—не должна имѣть покоряющаго, обязательнаго значенія для личнаго сознанія?

Въ одной изъ восточныхъ губерній Россіи возникло лжеученіе, приверженцы котораго называются *вертидырниками* или *дыромоляями*. Вѣра ихъ состоитъ

въ томъ, что они, просверливъ въ какомъ нибудь углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, прикладываютъ къ ней губы и много разъ настойчиво повторяютъ: изба моя, дыра моя! спаси меня *). Можетъ быть, и здѣсь истина есть—говоритъ одинъ знакомый.—Стоя на почвѣ агностицизма въ вопросѣ о познаваемости „того міра“, мой знакомый правъ. Но вѣдь Святѣйшій Синодъ стоитъ на другой почвѣ: *истина только одна и всецѣлое выраженіе съ своей объективной стороны она имѣетъ въ вѣроученіи Православной Церкви.* На долю человѣка остается лишь наиболѣе соотвѣтственнымъ своей индивидуальности путемъ объективное сдѣлать своимъ субъективнымъ содержаніемъ... Стоя на этой точкѣ зрѣнія, я не буду издѣваться подобно графу Толстому надъ молитвою даже дыромоляевъ, но я открыто скажу: истины тамъ нѣтъ, она

*) Владиміръ Соловьевъ. Три разговора: о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи. С.-Петербургъ 1900 г. См. Предисловіе.

только въ Христовой вѣрѣ. Спрашивается теперь: можетъ ли Церковь не давать опредѣленнаго направленія воззрѣніямъ своихъ чадъ, высказывая ясно и точно, какіе учители находятся въ согласіи съ нею и какіе нѣтъ? Свѣтъ непремѣнно прогоняетъ тьму, и нельзя находящемуся въ районѣ перваго сѣтовать, зачѣмъ онъ освѣщаетъ окружающіе предметы и вынуждаетъ видѣть ихъ такими, а не иными. Такъ точно церковное вѣросознаніе даетъ опредѣленное мѣрило для распознанія лжи отъ заблужденія въ области вѣры. Не думайте, что съ принятіемъ этого свѣточа не мирится свобода мысли. Не говоря уже о томъ, что есть цѣлыя области знанія, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ вопросамъ вѣры, а потому и не подлежатъ суду Церкви,—„блестящая святоотеческая литература наглядно показываетъ, что Церковь не стѣсняла свободы мнѣнія своихъ членовъ; но, предоставляя каждому члену право свободы высказываться, Церковь всегда оставляла за со-

бою право послѣдняго слова, которое она обыкновенно и произносила на соборахъ, составлявшихся изъ ея представителей. Мысль, что голосъ Церкви непогрѣшимъ, при сознаніи того, что каждый отдѣльный человѣкъ легко можетъ заблуждаться, имѣла особенно благотворное вліяніе на развитіе религіознаго сознанія, ибо каждый отдѣльный человѣкъ могъ свободно отдаваться богомыслію въ полной увѣренности, что если его личный разумъ и приведетъ къ заблужденію, то его наставитъ на путь истины Церковь, на судъ которой онъ съ полнымъ довѣріемъ и любовію отдавалъ результаты своего умственнаго труда" *). Онъ зналъ что свобода духа состоитъ не въ отрѣшеніи его отъ всякихъ нормъ, а *въ сознательномъ и искреннемъ подчиненіи* его *истиннымъ и свя-*

*) „Раціонализмъ, какъ источникъ невѣрія и сектанства, въ связи съ ученіемъ о Церкви, какъ единственной хранительницѣ и истолковательницѣ богооткровенныхъ истинъ". (Изъ приготовляемаго къ печати сборника научно-популярныхъ статей проф. Вл. З. Завитневича).

тымъ нормамъ, хотя бы онѣ имѣли свой источникъ во внѣшнемъ авторитетѣ. Вотъ въ Лондонѣ есть община позитивистовъ, имѣющая опредѣленную внѣшнюю организацію. *) Эта община осуществляетъ въ себѣ идею Огюста Конта—основать такую религію, которая была бы свободна не только отъ всякихъ вѣрованій въ сверхъестественное, но и отъ всякихъ богословскихъ воззрѣній. Послѣдователи этой „вѣры“ чтутъ одинаково Моисея, Гомера, Аристотеля, Цезаря, апостола Павла, Карла Великаго и другихъ. Основнымъ догматомъ этой несравнимой религіи служитъ почитаніе истины, верховной силы, открывшейся чрезъ Огюста Конта. Община эта имѣетъ свой молитвенный домъ въ улицѣ Chapel street. Вотъ тамъ думай, какъ хочешь, молись, кому нравится: Гомеру или Павлу—все равно... Да и то, если Огюста Конта не признать истиннымъ служителемъ верховной силы, руководитель общины, надо полагать, по-

*) См. цит. мѣсто сочиненія Лютардта.

просить искать другого мѣста для удовлетворенія своего религіознаго чувства. Въ Англіи, какъ извѣстно, характеристическимъ признакомъ такъ называемой „широкой церкви“ служитъ индифферентизмъ. Вотъ ея представители не въ правѣ классифицировать людей на согласующихся съ ними по своимъ убѣжденіямъ и не согласующихся. Благодареніе Богу: Православной Церкви чуждъ индифферентизмъ, и въ этомъ ея жизнь...

Слышу далѣе: посланіе Святѣйшаго Синода является нецѣлесообразнымъ,— не къ миру послужитъ оно, а какъ разъ къ обратному. Посланіе, по другому слову, является неполитичнымъ: оно послужитъ къ возбужденію умовъ, особенно среди молодежи; вѣдь нельзя же закрывать глазъ на то сильное обаяніе, которое имѣетъ личность графа Толстого. Посланіе, по третьему слову, послужитъ прямо таки къ увеличенію и безъ того немалаго количества враговъ православной Церкви.

Смотрю на посланіе Святѣйшаго Синода прежде всего, какъ на необходимое выраженіе внутренней жизни Православной Церкви, и съ этой точки зрѣнія отстраняю вопросъ о возможныхъ послѣдствіяхъ его. Тамъ, гдѣ нужно возвысить голосъ въ защиту истины или въ цѣляхъ раскрытія ея, тамъ не должно быть мѣста опасеніямъ, что выйдетъ изъ этого. Кто вѣритъ въ истину, кто признаетъ за нею не одно лишь субъективное значеніе, кто убѣжденъ, что міромъ управляетъ воля Божія, тотъ будетъ заботиться только о томъ, чтобы поступки его были сообразны съ идеей правды и любви, чтобы въ его дѣйствіяхъ осуществлялся основной законъ Христова ученія—соединеніе милости и истины,—въ надеждѣ, что вытекающія изъ него дѣйствія и со стороны своихъ фактическихъ послѣдствій не принесутъ горькихъ плодовъ.

Увеличится и безъ того не малое количество враговъ православной Церкви? Скорбитъ объ этомъ Христова Церковь,

но ради привлеченія и удержанія *такихъ* членовъ въ лонѣ своемъ не можетъ нарушать своего святого долга. Невольно предносится нашему умственному взору возвышеннѣйшая бесѣда Спасителя съ своими учениками о таинствѣ Евхаристіи. Сказалъ Онъ имъ въ формѣ, не допускающей ни малѣйшей возможности какого-либо инотолкованія, что вѣрующіе въ Него должны для тѣснѣйшаго соединенія съ Нимъ, Источникомъ вѣчной жизни, вкушать подъ видомъ хлѣба и вина подлинное тѣло и кровь Его. Не могли принять умомъ и сердцемъ этой истины даже и ходившіе съ Нимъ нѣкоторые ученики. „Какія странныя слова? Кто можетъ это слушать? говорили многіе изъ учениковъ Его", читаемъ въ Евангеліи (Іоан. VI гл.). „Вы, говоритъ на это имъ Спаситель, не можете принять этой истины. Что же, если увидите Сына Человѣческаго восходящимъ туда, гдѣ былъ прежде?" И съ этого времени многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ. Скорбѣлъ

объ этомъ Спаситель глубоко; но не остановилъ ихъ какимъ-либо снисходительнымъ ослабленіемъ ранѣе высказанной мысли. „Тогда Іисусъ сказалъ двѣнадцати: не хотите ли вы отойти?“ Если и вы, т. е., не примете этой истины, то какъ это ни тяжело будетъ, должны уйти отъ Меня. „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“— былъ отвѣтъ апостоловъ.

Мнѣ кажется, я не погрѣшу, если скажу, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ должнаго ревниваго отношенія къ тому, что̀ называется убѣжденіями человѣка. Во многихъ слышанныхъ мною возраженіяхъ по поводу постановленія Св. Синода о гр. Л. Толстомъ такъ и сквозитъ мысль, нашедшая свое выраженіе въ письмѣ графини: стоило ли изъ-за разногласія мнѣній разрывать союзъ съ человѣкомъ. Да, необходимо, хотя бы этотъ разрывъ доставлялъ боль разрывающему. Это разумѣлъ и нашъ Божественный Искупитель, Богъ любви, когда говорилъ Своимъ послѣдователямъ: „думаете ли, что

Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ будутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца, мать противъ дочери и дочь противъ матери, свекровь противъ невѣстки своей и невѣстка противъ свекрови своей" (Лук. 12, 49—59). Предъ убѣжденіями, которыми опредѣляется связь наша со Христомъ, не должна устоять никакая земная привязанность: самыя тѣсныя узы кровнаго родства не удержатъ въ прежнемъ мертвенномъ состояніи того, кого коснулся огонь любви Христовой... И знаемъ такіе факты, когда отецъ священникъ разставался съ сыномъ своимъ, извѣстнымъ философомъ, ставшимъ по своимъ убѣжденіямъ позитивистомъ, хотя этотъ разрывъ ускорилъ смерть перваго, — когда близкіе друзья, разошедшіеся въ существенныхъ взглядахъ, должны были со слезами на глазахъ подать другъ другу руку прощанія. Прочтите о происшедшемъ

въ 40-хъ годахъ разрывѣ Елагинскаго кружка, въ которомъ первоначально объединялись и славянофилы и западники*), и вы увидите, что̀ значитъ для убѣжденнаго человѣка его credo.

Развѣ легко торжественно отдѣлять въ разрядъ людей, чуждыхъ по вѣрѣ, такого человѣка, какъ графъ Л. Н. Толстой, или кого бы то ни было изъ бывшихъ единомысленными? Но если бы и несравнимое большинство сыновъ Православной Церкви отошло въ разрядъ ея враговъ, она должна быть вѣрной хранительницей и твердой провозвѣстницей завѣтовъ Христа.

Негодовать на посланіе Синода, пишетъ нашъ первосвятитель, могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Прошло вотъ уже два мѣсяца со времени опубликованія постановленія Св. Синода о графѣ. И сколько совершилось событій, обличившихъ нежеланіе со сто-

*) „Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности", проф. В. З. Завитневича. Труды Кіевской Дух. Академіи, 1891, XI.

роны нашей интеллигенціи понять актъ Синода,—его духъ и его необходимость!.. Люди, и по своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ и тѣмъ болѣе по практическимъ *всего болѣе далекіе отъ міровоззрѣнія графа,* (много ли теперь такихъ лицъ, которыя раздѣляютъ его ученіе о непротивленіи злу?) демонстративно устрояютъ ему овація во всевозможныхъ формахъ, забывая, что телеграммы и вѣнки, *не относящіеся по прямому своему смыслу къ извѣстному лицу*, не могутъ быть пріятны ему...

На грустныя мысли наводитъ такое отношеніе къ Церкви сыновъ ея, но не страшитъ и не повергаетъ въ отчаяніе оно истинно вѣрующихъ во Христа, на скорбномъ челѣ Котораго читаютъ они полныя неземной бодрости слова: „не бойся, малое стадо, ибо благоизволи Отецъ вашъ дать вамъ царство“ (Лук. 12, 32). Признаемъ и мы хорошее, сдѣланное графомъ, цѣнимъ это и благодаримъ его за доставленное намъ добро; потому вдвойнѣ скорбимъ о томъ, что онъ отрекся

отъ нашего Спасителя, Источника вѣчной жизни, и тѣмъ самымъ „перешелъ отъ жизни въ смерть“,—скорбимъ и молимся Боже! посѣти мятущуюся душу великаго писателя земли Русской, согрѣй его сердце теплотою Своей любви, да загладитъ онъ сознаніемъ своихъ заблужденій, хотя бы на склонѣ жизни своей, всѣ созданныя его отпаденіемъ отъ Церкви послѣдствія!...

1 марта—26 апрѣля 1901 года.

Письмо графини С. А. Толстой

къ Митрополиту Антонію.

Ваше Высокопреосвященство!

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушна. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣ-

нія—никому, кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю,—которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божьимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ...—которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, — съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Моск. Вѣдомостей"), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія, и имъ не будетъ конца отъ всего міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода свя-

щенникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича, въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать, — умершаго, не чувствующаго уже ничего, человѣка, или окружающихъ его, вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду—или такого порядочнаго священника, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или не порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ этого и не нужно. Для меня церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе церкви.

Если же признать церковью людей, дерзающихъ своей злобой нарушить высшій законъ — любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ церкви—не заблудившіеся люди,

а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея, и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ, жизнь, хотя и внѣ церкви, чѣмъ носящихъ брилліантовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ церкви—пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами—легко. Но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей—никого не обманетъ.

Графиня **Софія Толстая.**

26-го февраля, 1901 г.

Отвѣтъ Митрополита Антонія.

Милостивая Государыня
графиня *Софія Андреевна*.

Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что самъ онъ съ собой сдѣлалъ, отрекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію. И не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ Источника жизни вѣчной. Для христіанина немыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Кото-

раго „вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти въ жизнь, а невѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“ (Іоанн. III, 15, 16, 36. V, 24), и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни въ смерть. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащей, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ Церковь эта благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся отъ нея и не желающихъ получать отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, и вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть

члены ея. И потому съ точки зрѣнія этой церкви распоряженіе Синода вполнѣ постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушается. Любовь Божія безконечна, но и она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Матѳ. XII, 32). Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовію, но человѣкъ иногда не хочетъ идти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Божія, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный (Іоанн. XVII, 12). О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь су-

ществующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра. Не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться вамъ тутъ нечѣмъ. Есть слава человѣческая и есть слава Божія. „Слава человѣческая какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава, и цвѣтъ ея опалъ, но слово Господне пребываетъ во вѣкъ“ (1 Петр. I, 24. 25).

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ-ли его, отпавшаго отъ вѣры и церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? Послѣдовали обращенія къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ церковію. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь,

даже не порядочный, священникъ, который-бы рѣшился совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если-бы и совершилъ, то такое погребеніе надъ невѣрующимъ было-бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ? Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія?

Разъ вы—живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ церкви, и она дѣйствительно есть союзъ живыхъ разумныхъ существъ во имя Бога живаго, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное. И напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона нѣтъ. Это, напротивъ, есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ церковь и вѣрующихъ къ молитвѣ о немъ.

Пастырей церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ея. Носятъ они брилліантовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное. Оставались они пастырями, одѣваясь и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя-бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ-бы ихъ ни хулили и какими-бы презрительными словами ни обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа—мужа вашего—помилуй!

Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій.

1901. Марта 16.

(Прибавленіе къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“).

Ц. 25 коп., съ перес. 30 коп.

Выписывающіе сразу не менѣе 10 экз. изъ склада изданія (Кіевъ, Воричевъ Токъ, 32, кварт. П. П. Кудрявцева) или отъ автора, законоучителя Кіевскаго женскаго Института Императора Николая I, за пересылку не платятъ.

По тому же адресу и на тѣхъ же условіяхъ можно выписать слѣд. изданія:

1. **Кудрявцевъ П. П.** — Христіанскій взглядъ на жизнь. Кіевъ. 1899. Ц. 15 коп., съ перес. 20 коп.

2. **Кудрявцевъ П. П.** — Къ вопросу о характерѣ народной школы. Кіевъ. 1898. Ц. съ перес. 30 коп.

3. **Рыбинскій Вл. П.** — Библія для дѣтей. Кіевъ. 1897. Ц. 25 коп.

4. **Рыбинскій Вл. П.** — Религіозное вліяніе іудеевъ на языческій міръ въ концѣ ветхозавѣтной и въ началѣ новозавѣтной исторіи. Кіевъ. 1898. Ц. 50 коп. съ перес.